

4. National tripartite social dialogue: an ILO guide for improved governance / International Labour Office, Social Dialogue and Tripartism Unit, Governance and Tripartism Department. Geneva: ILO, 2013. [Electronic resource]. – Mode of access: http://ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---dialogue/documents/publication/-wcms_231193.pdf – Data of access: 20.11.2020.
5. WTO (2020) «Treaty on the Eurasian Economic Union». [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/ka-z_e/WTA-CCKAZ85_LEG_1.pdf. – Data of access: 20.11.2020.
6. Практическое руководство для инвесторов «государственно-частное партнерство в странах Евразийского Экономического Союза» – М.: Центр развития ГЧП, 2017. – 80 с.

<http://edoc.bseu.by:8080>

*В.А. Божанов, профессор
bochanov@tut.by
БНТУ (Минск, Беларусь)*

СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

С недавних пор интерес политологов переместился от формальных признаков государства к его качественным показателям. Проблемы воспроизводства насилия исключительно со стороны государства вызывают коррекцию определения Вебера с акцентом не на «исключительную монополию» государства на насилие, а на «более-менее успешном» или «относительном преимуществе» в силе. С 80-х гг. XX в. сообщество проявляло огромное стремление к децентрализации политической власти [10, с. 122]. Чем меньше насилия, тем более легитимна власть. Однако сила как потенциальная или реальная способность остается лейтмотивом государственной деятельности и в диктатурах, и в демократиях.

Государственной власти в организации общественных дел оппонирует местная самоорганизация в лице семейных, церковных, клановых и прочих центров влияния, которые нередко выглядят в глазах населения более значимо и ценно, чем государство. Более того, и у каждой ветви власти складываются свои центры влияния. Например, полицейские аппараты Франции располагают большой самостоятельностью по отношению к властным структурам и большой способностью сопротивления государственной политике, которая пытается их изменять [8, р. 1236]. Полиция в состоянии создавать непроницаемость мест своих действий (полицейский автомобиль, комиссариат), территориальные полицейские ускользают от контроля со стороны своего командования и даже могут по своему усмотрению осуществлять противостояние власти. Годами существуют центры сильной концентрации преступности.

Благодаря развитию Всемирной паутины создаются новые условия для взаимодействия органов власти между собой, с населением, бизнесом и институтами гражданского общества, а также для повышения эффективности и прозрачности государственного управления [2, с. 203]. В результате таких

тенденций государству постоянно необходимо отстаивать свой суверенитет и одновременно обладать искусством навязывания единой воли с сохранением определенной самостоятельности оппонентов, что заставляет власти осознавать пределы своего вмешательства в «суверенные» порядки контрагентов, обладающих существенными для государства ресурсами [7, с. 99]. И все же люди понимают ресурсное превосходство власти единого центра, что позволяет государству не только регулировать, но и конструировать социальные связи и интересы.

Однако фактор принуждения со стороны государства постоянно подвергается критическому анализу. Некоторые считают, что условия глобализации несут в себе самые большие угрозы государству [9, с. 124], ведут к концу национально-государственную политику [1, с. 331]. Внутренняя и внешняя стабильность государства все в большей степени зависит не от средств принуждения, а от положения на мировом рынке. К тому же права человека получили приоритет в сравнении с правом народов на самоопределение, что радикально меняет мировой порядок: внутренние дела государства становятся делом всех. В случае террора государства против собственных граждан допускается вмешательство и даже принятие превентивных мер: правительства могут лишиться международного признания своего суверенитета. Примером космополитизации государства является борьба за политическое оформление Европейского Союза, которое лишает национальную политику границ и оснований. Предполагается, что в XXI в. все государства, даже великие державы и сверхдержавы, будут жить в ситуации взаимозависимости, сокращающей степень свободы их деятельности ввиду глобализации и возрастающего значения международных организаций [9, с. 172]. Однако в настоящее время государство остается центральной категорией геополитики, обладая такими важными характеристиками, как структура, авторитет и территория [4, с. 347].

В последнее время ученые говорят о такой классификации государств, как состоятельное-несостоятельное государство, сильное государство, неудавшееся государство, разваленное государство [8, р. 1235; 10; 6]. Термин «государственная состоятельность» включает такие необходимые качества государства, как его способность выполнять основные функции, обладать верховенством над другими субъектами власти, количество проблем, в решении которых участвует государственная власть, обладать приоритетом в концентрации насилия и ресурсов. Предложена модель государственной состоятельности из трех позиций: 1) характеристика размера и объема общественных благ: ВВП на душу населения, размер внешнего и внутреннего долга, количество «бюджетников» и объем бюджета страны; наличие и объем социальной ответственности государства и вмешательства государства в экономику страны. 2) Инфраструктурная способность: наличие бюрократической системы и силовых структур, функциональной дифференциации и разделения властей, рационализация бюрократической системы, регулирующих законов и их охват. 3) Индикаторы качества государственного управления: верховенство государственной власти над всеми

другими субъектами (наличие или отсутствие вооруженных конфликтов и случаев террора, сепаратистских выступлений, наличие незаконных вооруженных формирований), степень концентрации и распределения власти, возможность взаимного контроля и блокирования неприемлемых для большинства решений, возможность воздействия на политическую элиту и смену власти. Формирование на этой основе государственной состоятельности, по мнению авторов, является важным фактором устойчивого развития политики [6, с. 22–24].

Именно публичная политика позволяет государству непрерывно и эластично «подстраиваться» под современность, отвечая на ее вызовы, включаться в рыночные отношения, дополнять иерархические структуры полицентрическими и сетевыми формами организации власти, формировать совместные с международными секторами структуры глобального управления и т.д. Политика творит государство как публичное отражение быстро меняющихся интересов и потребностей общества. Однако утверждается и то, что сама государственная цивилизация образовалась, как принудительно-мобилизационная организация населения в пределах определенной территории. Людей к ней привлекала максимально возможная гарантия их безопасности, порядка, обретения гражданских прав [7, с. 98].

Построение сильного государства остается важнейшей проблемой мирового сообщества, так как слабость и разрушение государства служат источником мировых проблем первого порядка: от бедности до СПИДа, наркотиков и терроризма [10, с. 5]. Ф. Фукуяма радикально пересмотрел свою позицию и стал сторонником сильного государства. Свою книгу он назвал «Сильное государство» (2004). Он обращает внимание на принципиальную основу сильного государства – создавать законы и обеспечивать их соблюдение, обеспечивать способность государства планировать и проводить политические курсы и обеспечивать следование законам, честно и открыто, но самое важное, реализовывать законы [10, с. 21, 26].

Существенные повороты государственности происходят в условиях глобализации. Нарастает финансовая, экономическая и политическая взаимозависимость государств и народов, но также и пропасть между богатыми и бедными странами увеличивается, что вызывает сопротивление этих стран на основе «национализма» и приводит к неустойчивости мирового порядка [5, с. 5]. По мнению Ю. Хабермаса, разрешить эту дилемму может «постнациональное общество», где национально-государственная интеграция потеряет вес в условиях глобализации и человечество от национально-культурной основы перейдет на более надежную основу идей демократии и прав человека.

Другой проект разрешения коллизии глобализации и национализма разработал в виде концепции «космополитического государства» У. Бек. Находясь на позиции необходимости надгосударственных структур в единой Европе, Бек видит на этом пути и необходимость освобождения от национального. «Реальная сила государств парализуется противоположным влиянием неолиберализма и национализма», и выход возможен лишь в

ограничении независимости национальных правительств, создании транснациональных структур и пространства «объединенного суверенитета» [5, с. 9]. Ответом на вызовы глобализации Бек называет «космополитическое государство, основывающееся на индифферентности государства к признаку национальности и допускающее существование национальных идентичностей согласно закрепленному в конституции принципу толерантности». Идея «космополитического государства» настолько увлекла Бека, что он позволил себе почти небрежно смахнуть в космополитический набор культуру и национальную идентичность. Однако нации и культуры остаются наиболее надежными символами человеческих сообществ, в т. ч. и государства. Премьер-министр Великобритании Кэмерон заявил, например, что британское руководство дорожит Евросоюзом, но в тоже время желает защищать свои национальные интересы, а в настоящее время завершает процедуру выхода страны из ЕС. Практически все федеративные государства в мире испытывают настойчивое стремление составляющих их наций выделиться в субъектную нацию-государство.

Государство не может быть просто экономическим организмом, ибо тогда оно заставит население брать на себя бремя возмещения убытков корпораций, что нарушит социальную стабильность и справедливость. Для государства первичными были и должны оставаться вопросы социальных гарантий, снижение социальных расходов, проведение государственной политики в области накопления капиталов и их расходования и т. д. «Поэтому оно может обеспечивать ТНК перекладывание издержек на плечи трудящихся и вытаскивание кампаний из ям кризиса, но может также защищать национального производителя и национальную культуру» [5, с. 13–14].

В XX в. вектор развития государства определился в направлении социального государства, что приводит к кардинальным изменениям взаимоотношений государства и населения. В сознании людей государство становится исполнителем его воли и «список того, что должно делать государство для жителей и граждан постоянно растет». Гринин небезосновательно предвидит, что «приближается эпоха зрелых государств, на смену которой идет новая - надгосударственная и наднациональная – стадия политического развития мира» [3, с. 272, 290].

Список источников:

1. Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации / У. Бек. – М.: Изд. Дом «Территория будущего», 2007. – 463 с.
2. Готовность России к информационному обществу. – М.: Институт развития информационного общества, 2004. – 250 с.
3. Гринин, Л.Е. Государство и исторический процесс / Л.Е. Гринин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 368 с.
4. Желтов, В.В., Желтов, М.В. Геополитика: история и теория / В.В. Желтов, М.В. Желтов. – М. : Вузовский учебник, 2011. – 445 с.
5. Мариносян, Х.Э. Глобальное гражданское общество, глобальное

гражданство и космополитическое государство, в контексте глобализации / Х.Э. Мариносян // *Философские науки*. – 2011. – № 8. – С. 5–15.

6. Мелешкина, Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? / Е.Ю. Мелешкина // *Политическая наука*. – 2011. – № 2. – С. 9–27.

7. Соловьев, А.И. Латентные структуры управления государством или игра теней на лице власти / А.И. Соловьев // *Полис*. – 2011. – № 5. – С. 70–98.

8. Favre, P. Quand la police fabrique l'ordre social / P. Favre // *Revue française de science politique*. – 2009. – Vol. 59. – № 6. – P. 1231–1248.

9. Хейвуд, Э. Политология. Учебник / Э. Хейвуд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 544 с.

10. Фукуяма, Ф. Сильное государство / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ : АСТ МОСКВА; Владимир : ВКТ, 2010. – 222 с.

*И.В. Котляров, профессор
kotlarov2018@tut.by
ИПП (Минск, Беларусь)*

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРЕДЕЛ (СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

В последнее время резко возрос интерес к гражданскому обществу. С одной стороны, это понятие стало одним из самых распространенных и употребляемых в экономической и политической социологии, политологии и теории права, рекламируемых как серьезными журналистами, так и ангажированными учеными и политиками. С другой стороны, научного объяснения гражданского общества на логико-смысловом уровне до сих пор не существует. Гипотетическая реализация такой модели означала бы эклектическое объединение многообразных смыслов и ценностей, желаний и интересов, задач и потребностей, идеалов и мотивов, влияющих на действия и мировоззрение социально-политических субъектов. Как результат, в мировоззрении некоторых элитарных групп обществ сложились крайне примитивные, упрощенные представления о гражданском обществе, его смысле и сущности, ресурсах и возможностях.

Современная политическая ситуация рождает достаточно много вопросов, касающихся гражданского общества. По мнению ряда исследователей, гражданское общество – это в лучшем случае придуманная политическими субъектами модель, некая идеологизированная отвлеченность, в худшем – миф, фантом. Действительно, гражданское общество – это виртуальная конструкция, которой нет на самом деле, и которая существует лишь в умах «продвинутых» политиков. Какая реальность стоит за данным понятием, каков его смысл? Отвечая на этот вопрос, не следует забывать о правиле «бритвы Оккама», запрещающем «умножать сущности». Может быть, можно обойтись и без гражданского общества, тем более что его нельзя потрогать, понюхать,